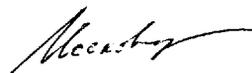

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

**МОСКОВЧУК
ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА**

Мужское и женское в традиционной и современной культурах

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург
2006

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Республиканского гуманитарного института (ИППК-РГИ) Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук,
Борис Васильевич Марков

Официальные оппоненты: доктор философских наук
Константин Глебович Исупов
кандидат философских наук
Ирина Константиновна Романова

Ведущая организация: Санкт-Петербургская государственная
лесотехническая академия им. С. М. Кирова

Защита состоится «14» сентября 2006 года в 16⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д.212.232.11 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. 157

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан «30» июня 2006 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
Доктор философских наук, профессор

Е.Г.Соколов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Говоря о современном состоянии России, часто отмечают ряд негативных моментов: при невысоком количестве вновь заключаемых браков не снижается количество разводов, смертность превышает рождаемость, происходит старение нации, – что, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о демографическом кризисе. Решить проблему исключительно экономическими средствами представляется достаточно затруднительным, так как похожие процессы охватывают почти всю Западную Европу, несмотря на устойчивое экономическое развитие этого региона.

Кризис семьи вызван множеством причин и прежде, чем принимать меры по ее спасению, следует разобраться с тем, насколько традиционные представления о мужских и женских добродетелях соответствуют потребностям современного общества и желаниям современного человека.

В этой связи актуальным представляется исследование культуры современного западноевропейского образца и выявление тех ее черт, которые лежат в основе сложной демографической ситуации. Необходимо обратить внимание на взаимоотношения мужского и женского в культуре с точки зрения основополагающих культурных ценностей: материнства, отцовства, семейного очага, любви, которые в совокупности формируют пространство традиционной культуры. Современный человек, воспитанный в духе индивидуализма, утрачивает ответственность за сохранение рода, ставя на первое место комфорт собственного существования, не желая обременять себя традиционными ценностями семейного уклада. Современная массовая культура формирует образ человека-потребителя, а не создателя.

Теоретически возможны два сценария выхода из сложившейся ситуации:

Первый – попытаться реактуализировать традиционные ценности, уделяя внимание миру материнства, детства, интимности и тепла;

второй – оставить все как есть, склоняясь к пессимистическому исходу: клонирование и зачатие «в пробирке» снимут необходимость различения мужского и женского.

Второй вариант возможен, но он не исключает того, что человек исчезнет уже на самом деле, вслед за озвученной постмодернизмом смертью субъекта. В связи с этим представляется важным обратить внимание на возрождение ценностного подхода к мужскому и женскому, существовавшего в рамках традиционной культуры.

Несмотря на кажущуюся очевидность половой дифференциации, до настоящего времени, как это ни парадоксально, не предложено четких критериев различия мужского и женского. В частности различают хромосомный (генетический), эндокринный, генитальный и церебральный (психологический) уровни, но и они могут не совпадать у одного человека. Таким образом, натуралистически ориентированный дискурс часто оказывается недостаточным без культурно-исторического фундирования. Анализ дискурсивных практик о поле позволяет прояснить его сложную и многомерную структуру.

Состояние научной разработанности темы

Проблема пола занимала особое место в развитии философской мысли. До рубежа XIX-XX веков этот вопрос понимался в рамках эссенциализма: пол дан человеку от природы (Бога) и не отделим от биологических, анатомических различий (Платон, Аристотель, Р. Декарт, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, А. Шопенгауэр и др.). В современных исследованиях этот подход получил развитие в эволюционной теории пола, которую разрабатывает, в частности, В. А. Геодакян. Согласно этому направлению, половое деление связано в большей степени не с преимуществами размножения, как принято считать, а представляет собой способ асинхронной эволюции, в которой специализация женского пола заключается в сохранении генетической информации, а мужского – в ее изменении.

Значительное влияние на становление гендерной проблематики оказала неклассическая философия (Ф. Ницше, Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, П. С. Гуревич, В. С. Библер и др.). В экзистенциальных проектах Ж.П. Сартра и С. де Бовуар отмечалось, что проблема пола обычно решалась в терминах «иное» (женщина) и «самость» (мужчина); женское связывалось с категорией бытия, а мужское – становления. Концепция Бовуар и была направлена на то, чтобы показать необходимость применения экзистенциальной перспективы к женщине: «женщиной не рождаются, ею становятся».

Под влиянием цивилизационных изменений, теоретических и политических дебатов складывается новая тематика, оформляются новые методологические основания ее разработки. Так следует вспомнить о теории ролевой социализации, которая рассматривала пол как результат обучения традиционно сложившимся образцам поведения (Т. Парсонс, Р. Бейлс, М. Мид и др.).

С точки зрения социального конструктивизма, пол формируется в процессе социального взаимодействия и общения. Представления о мужском и женском, как о базовых социокультурных категориях, не только усваиваются и воспроизводятся в контексте социального взаимодействия, но и создаются (К. Уэст, Д. Циммерман).

Перформативный аспект гендера разрабатывается в работах Дж. Батлер, К. Борнстайн. Пол понимается как образ жизни, как нечто, являющееся продуктом манифестации. Биологический и социальный пол оказываются эффектом особой упорядочивающей власти.

В формирование интереса к половой проблематике внесла большой вклад Школа «Анналов». Её основатели (Л. Февр и М. Блок) и представители (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Э. Леруа Ладюри) сместили акценты исторического исследования, сделав предметом своего интереса «структуры повседневности» (Ф. Бродель), где протекает частная жизнь людей и в которой проходит жизнь большинства женщин. Исследованиями в этом направлении занимаются Л. В. Бессмертных, Н. Л. Пушкарева, Л. П. Репина и др.

Большое значение в развитии гендерных исследований сыграли работы и исследования этнографов Ю. Ю. Карпова, Б. Малиновского, М. Мид, М. В. Тендряковой, Т. Б. Щепанской и др.

Обширный блок литературы составляют исследования, посвященные эросу и сексуальности. Среди основных работ можно назвать «Трансформацию интимности» Э. Гидденса. Сексуальность – аффект, который, с одной стороны, вызывает необходимость контроля, а с другой стороны, является частным делом. Автор раскрывает «эмоциональную» историю и в качестве тенденций последнего времени называет распространение чистых отношений и пластичной сексуальности, связанной в первую очередь с признанием женского опыта, что и представляется одним из главных двигателей демократизации. Г. Гачев в своей работе «Русский Эрос» раскрывает национальные образы мира через понятия эроса

и сексуальности, показывая своеобразие русской культуры. Исследованию сексуальности посвящены также работы С. И. Голода, И. С. Кона, Дж. Митчелл, Н. Л. Пушкаревой, А. В. Сосновского, В. П. Шестакова и др.

Теорию и методологию гендерных исследований разрабатывают Г. А. Брандт, О. А. Воронина, Е. И. Горошко, Е. А. Здравомыслова, И. А. Жеребкина, И. Л. Коган, А. А. Костикова, А. В. Кирилина, М. М. Малышева, О. В. Рябов, А. А. Темкина, С. А. Ушакин, О. А. Хасбулатова, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.

В последнее время особое внимание уделяется развитию так называемых «мужских исследований» (по аналогии с «women's studies» – «женскими исследованиями»), в качестве обобщающего труда можно привести четырехтомник «История Женщин на Западе» под ред. Ж. Дюби и М. Перро), задача которых состоит в концептуализации понятия мужественности. Это направление представляют Д. Гилмор, С. В. Жеребкин, И. С. Кон, Р. Коннелл, А. С. Синельников, С. А. Ушакин, М. Н. Эпштейн и др.

Отдельные аспекты проблемы символизации мужского и женского находят отражение в работах С. Н. Иконниковой, К. Г. Исупова, Б. В. Маркова, О. Ю. Марковой, Н. Х. Орловой, Е. Г. Соколова, Ю. Н. Солонина, Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова и др.

Целью диссертации является философское осмысление пола, задача которого состоит в том, чтобы репрезентировать его культурно и даже идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом.

Анализ дискурсивного пространства пола предполагает постановку и решение следующих конкретных задач:

- Обозначить изменения в понимании проблемы пола в истории культурологической и философской мысли;
- Систематизировать основные теоретико-методологические концепции;
- Выявить достоинства и недостатки существующих концепций;
- Показать потенциал ценностей традиционной культуры с точки зрения их вхождения в пространство современности и предложить

рекомендации культурно-антропологического характера по преодолению современного кризиса семьи.

Объект исследования

Взаимосвязь и различия мужского и женского начал в истории и теории европейской культуры.

Предмет исследования

Философское осмысление дискурсов о мужском и женском в традиционной и современной культуре.

Теоретическую и методологическую базу диссертационной работы составляют исследования отечественных и зарубежных философов и культурологов. В работе используется комплекс методов философского анализа. Среди них – историко-логический метод, системный и сравнительный анализ. Учитывая социально-культурную составляющую пола, используются методы культурологии, исторической психологии, а также психоанализа и гендерного подхода.

Научная новизна диссертации

- Раскрыт культурный потенциал традиционного понимания мужского и женского для сохранения семьи в современном обществе.
- Проанализированы и систематизированы различные подходы к эмансипации женщин в социальном пространстве индустриального общества.
- Показана эволюция дискурса о сексуальности в классическом и неклассическом (Э.Фромм, К.-Г. Юнг, К. Хорни, Ж.Лакан и др.) психоанализе: от биологически ориентированного к гуманистическому.
- Предпринята попытка включения «феминистского» блока литературы в общую канву философско-культурологического дискурса.
- Выявлены предпосылки для системного рассмотрения и построения целостной культурологической концепции пола.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в анализе концептуального поля, фиксирующего культурные, социальные и символические аспекты пола, что может быть использовано в социально-направленных программах (социальная работа, реабилитационные программы, социальная политика в области детства, консультирование семей и т.д.). Проблема

взаимодействия мужского и женского является одной из составляющих в решении проблемы коммуникации и признания другого, что особенно значимо при решении различного рода межкультурных, межнациональных конфликтов. Итоги и материалы исследования могут послужить основой для подготовки спецкурсов по истории и теории культуры, истории западноевропейской философии, философской и культурной антропологии.

На защиту выносятся следующие положения

1. Традиционное общество помещает человека в пространство, пронизанное теплом дома, материнской заботой и властью отца. Все это составляло прочную иммунную систему, обеспечивающую защиту слабым и, прежде всего, детям и старикам. Современная культура, напротив, чаще заставляет задумываться об одиночестве и потерянности человека в этом мире. Проживая в изолированном жилище, современный человек сосуществует с самим собой и общается со своим изображением в зеркале. Женское начало, рассмотренное сквозь призму традиционных ценностей, способно вернуть в мир гармонию тепла и уюта.
2. Индустриальное общество втягивает женщину в рынок труда, что определяет расцвет дискурса об эмансипации женщин. Такое общество уравнивает мужское и женское, сводя человека к сумме социальных обязанностей. Аккумулируя в себе функции материнской заботы (детские сады, ясли и т.д.) и отцовского покровительства (пособия и дотации), государство направляет высвобожденную энергию человеческих отношений во благо собственного развития.
3. В философском осмыслении мужского и женского можно выделить два типа дискурса: социальный и психоаналитический. Если социально ориентированный дискурс рассматривает мужское и женское, как социально обусловленные роли, то психоанализ помещает в центр человека сексуальность, превращая действующего субъекта в желающего. Желание становится той характеристикой человека, которая выводит его на уровень символической реальности, нерасчлененность которой, напоминает «дионисийское» пространство

архаического мира. Внутреннее развитие психоанализа возвращает интерес исследователей к интимной глубине отношений между матерью и ребенком, к эмоциональному единству мужского и женского.

4. Постмодернизм расплывает рамки традиционной поляризации пола, делает попытку конструирования пост-человека. Гендерный дискурс возникает в рамках постмодернистской методологии и показывает структурную открытость, неопределенность и многообразие половой идентификации. Пол предстает не как природная данность, а как индивидуальный и социально-исторический культурный процесс.
5. Современной культуре не хватает ценностного взгляда на человека, а, следовательно, на мужчину и женщину, что подталкивает к трансформации постмодернистского дискурса. Мужское и женское равноценны, они представляют части единого целого: их связь тесна и нерасторжима. Осознание этого имеет позитивное значение в условиях кризисных процессов, происходящих в современной цивилизации и культуре.

Апробация результатов исследования

Материалы диссертации обсуждались на заседании кафедры философии и культурологии ИПШК-РГИ СПбГУ, на теоретических семинарах Центра современной философии и культурологии им. В. А. Штоффа («СОФИК»). Основные положения диссертационной работы излагались автором в выступлениях на Международной научной конференции «Дни Петербургской философии 2003» (секция «Философская антропология: традиции, проблемы, перспективы», СПб, 2003), на Четвертом Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005), на Двенадцатой Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005» (Москва, 2005), Международной научной конференции «Мужское и женское в культуре» (СПб, 2005), а так же на научных конференциях «Человек: соотношение национального и общечеловеческого» (Зугуди, Грузия, 2004), «Человек постсоветского пространства» (СПб, 2005), и представлены в 7 научных публикациях по теме исследования.

Результаты работы над диссертационным исследованием были отмечены стипендией Правительства Российской Федерации за 2005-2006 учебный год.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя 7 параграфов, заключения и списка литературы.

Глава первая «Космология пола» состоит из двух параграфов. В первом параграфе *«Единство мужского и женского в сакральном пространстве архаики и его отражение в современном дискурсе»* анализируется процесс символизации пола в архаичной культуре.

Западноевропейской культуре свойствен взгляд на мир сквозь призму бинарных оппозиций: рациональное – бессознательное, культура – природа, черное – белое, мужское – женское, Восток – Запад. Корни такого полярного разделения можно усмотреть в греческой мифологии, ставшей колыбелью западноевропейской культуры.

Другие мифологии (индийская, египетская и др.) были более терпимы к телесному и гендерному другому. Им свойственно сакральное истолкование любовных отношений и сексуализация мифа и ритуала. Чувственная жизнь наделяется высоким смыслом: аскетизм может представлять собой опасное отклонение, порождая угрозу миру и власти богов. Например, в индийской мифологии сексуальная активность часто прерывает аскетические подвиги. Таким образом, поливариативность мифологии традиционного общества оставляет место и аскетизму, и страстям.

Отношения мужчины и женщины расцениваются как соединение двух миропологающих начал, где каждый играет свою незаменимую роль, и образует модель мироздания. Это хорошо иллюстрируется наскальными изображениями из Тиута (Северная Африка), в которых ярко подчеркивается магическая роль половой связи. Здесь мужчина и женщина – равные участники процесса охоты: женщина обеспечивает расположение богов, поддерживает связь с потусторонним миром, чтобы мужская деятельность увенчалась успехом. Многочисленные примеры такой сопричастности можно найти в работах Л. Леви-Брюля, А. Н. Максимова.

Европейская культура базируется на агонических началах, в то время как архаическая культура опирается на ритуал – неизменный и регулярный. Ритуал нагружает мгновение значимостью, придает ему максимальную насыщенность смыслом, уплотняет настоящее время, устанавливая тождество повседневного с непреходящим. В отличие от архаики, сосредоточенной на том, что происходит здесь и сейчас, современная западноевропейская цивилизация «растянута во времени» (А. Генис).

Расписание психологических ролей зависит от дискурсивных конфигураций, оно не утверждено окончательно, но постоянно изменяется, не упираясь в непреклонность биологически-физиологического набора параметров. Девственное состояние в архаической культуре таит в себе опасность, разрушающую силу. С другой стороны и влечение, возникающее между полами – нерационально, стихийно и неуправляемо, способно вносить хаос в структуру общества, и, следовательно, община направляет максимум усилий на то, чтобы обезопасить себя от последствий такой стихийности в целях достижения гармонии мира, целого. Одним из основных понятий при характеристике пола в традиционной культуре выступает партиципация, чувство сопричастности и включенности в космос. Одним из ярких примеров и кульминацией такого взгляда представляется «Домострой».

Дом предстает как некая замкнутая целостность и являет собой модель малого государства. Структурно устав включает в себя три пласта – духовное, мирское и домовное строение. Эти уровни переплетаются и взаимопроникают друг в друга, образуя целокупное пространство повседневной жизни. Муж и жена, дети, работники и слуги – все вместе они составляют единый организм, в котором каждый занимает свое особое место (что не означает, что оно менее важное).

В традиционной культуре мужское и женское рассматривались скорее «как продукт объективации высших сакральных сил в бытийной реальности» (А. А. Маслов). В последующем европейская культура доводит идеальную составляющую пола до предела, часто за счет потери целостного чувства духовного и телесного. Ж. Деррида описывает этот процесс постепенной идеализации полового, в частности женского, в категориях утраты и ширящегося

разрыва между истиной и следами истины. Как результат – утрачивается тесная телесная коммуникация, характерная для архаики.

Второй параграф «Русская философия в поисках сущности пола» посвящен тематизации пола в христианском дискурсе, в частности в исканиях русских философов рубежа XIX – XX веков.

Пол в христианской традиции становится проблемой духовно – этической. Мужское и женское – результат грехопадения, а потому суть «дурная множественность». В христианском мировоззрении существует два способа ее преодоления – брак либо монашество. Каждый из этих путей сопровождается тяготами и испытаниями, и в этом отношении они равноценны. Так В. Зеньковский и А. Сурожский выстраивают концепции, в которых брак, супружеские отношения, показываются как полнота духовно-телесного бытия человека. Тем не менее, традиция, согласно которой телесность и половые проявления человека в большей степени относятся к греховной сфере, сохраняются до сих пор, приобретая иногда гипертрофированный вид (К. Вальков, А. Грачев, А. Захаров и др.). Такой взгляд подвергался критике русскими философами еще на рубеже XIX – XX веков, которые пытались выстроить новую антропологию пола, преодолевая традиционное «христианское гнушение пола» и рассматривая половые отношения не под знаком греха, но с точки зрения любви.

Однако любовь понимается ими по-разному. Это либо любовь в семье, культ чадо-родия, освящающие земную сексуальность (В. Розанов), либо сладострастие как таковое, способное достигнуть уровня подлинной любви (Д. Мережковский), либо любовь рассматривается как чисто духовное начало, необходимое для постижения мира и достижения подлинной глубины общения (П. Вышеславцев, С. Булгаков), что порой может привести к принижению плотского начала (В. Соловьев, Н. Бердяев). Попытка возвысить земной уровень жизни человека, представив семью, детей, половые отношения как прорыв к трансцендентному (В. Розанов, Д. Мережковский) представляется интересной, но при этом сохраняется опасность перейти тонкую грань между «священным сладострастием» и похотью: человек легко может превратиться в самца/самку. Тем не менее, такая способность видеть печать духовного даже в самом приземленном действии

оберегает человека от пребывания один на один с «беспредельной, поистине черной тоской» (С. Булгаков).

Несмотря на принципиальное размежевание с язычеством, христианский дискурс и его философское переосмысление сохраняют традицию рассмотрения мужского и женского начал как космологических. Так, например, женственность становится одной из центральных характеристик для построения системы мироздания у русских философов (Вышеславцев, Розанов, Булгаков и др.).

Влечение, возникающее между полами – нерационально, стихийно и неуправляемо, а, следовательно, таит угрозу порядку. Как следствие возникают способы организации отношений между мужчиной и женщиной для сборки общества. Постепенно, тематизирование и складывание дискурсивной практики пола приводит к «раз-очарованию» полового начала, утрате мистической глубины. Именно такая формализованная и механистическая модель брака критикуется в русской религиозной философии. Акцент ставится не на противостояние мужского и женского начал, а на их гармоничное сочетание.

Во второй главе «Пол как категория социо-культурного анализа» анализируется развитие дискурса о мужском и женском в рамках развития индустриального общества. *В первом параграфе «Новые горизонты «женского сценария»: биологическое предназначение или социальное равенство»* показана эволюция дискуссий о женской эмансипации.

Эпоха Просвещения выводит на арену истории нового индивида, основными ценностями для которого становятся свобода, равенство и братство. По мнению С. де Бовуар, чем выше уровень самосознания мужчины, тем более независимую спутницу он хочет видеть рядом с собой. Это послужило одной из причин перемещения споров о природе, месте и роли женщины из умозрительной сферы в область социальных преобразований.

Дискуссия о праве женщины на образование, труд – на расширение сферы ее деятельности была достаточно острой и напряженной. Причем мужчины принимали в ней не меньшее участие, чем женщины. Среди сторонников женского образования можно выделить – Ст. Милля, М. Л. Михайлова, В. В. Стасова, П. А. Кропоткина, В. М. Хвостова и др.

В решении этого вопроса одинаковые предпосылки вели к различным выводам: так например и сторонники, и противники эмансипации апеллировали к тому, что предназначение женщины, это, прежде всего, материнство и воспитание детей. При этом одна сторона (Михайлов, Стасов и др.) рассматривала образование и право на участие в общественной жизни как залог правильного воспитания детей матерями и как необходимое условие для формирования общества. Другая сторона (Гиероглифов, Бакунин, Толстой и др.) в этом видела напротив угрозу семейному укладу и нравственному облику женщины, а в более широком смысле и основам традиционного общества.

Эта дискуссия поднимает проблему соотношения биологического и социального в человеке. В частности Михайловым, Белинским, Хвостовым было высказано мнение, что при определении женского излишнее внимание уделяется ее физиологии, биологической составляющей. При этом подчеркивая, что половые различия (женская эмоциональность, например) следует рассматривать, в некоторой степени, как искусственно сформированные воспитанием, культурой.

Исследователями этого периода ставится вопрос, остающийся актуальным до сих пор: как при уравнивании социальных статусов мужчины и женщины, при уравнивании их возможностей, прав и обязанностей, сохранить различие мужского и женского. С одной стороны, образование, социальные права рассматриваются, как возможность проявить половые «особенности» (Хвостов, Пирогов). С другой стороны, сохраняется опасность получить при этом вместо женщины «дурную копию» мужчины (Гиероглифов, Меньшиков). Здесь так же, как и в традиционном дискурсе, акцентируется внимание на то, что важен способ установления отношений между мужским и женским, а не только основа различения.

Последующее развитие социально-культурной составляющей пола происходит в формировании марксистского дискурса, которому посвящен *второй параграф* этой главы *«Мужское и женское как идеологический продукт общества»*.

По мнению Ф. Энгельса, единовластие мужчины было подтверждено заменой материнского права, отцовским, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Родовой строй заменяется государством, что сопровождается развитием обмена и торговли, при котором процесс обмена становится все более сложным, а конечная судьба продукта – еще неопределеннее. Если рассматривать отношения мужчины и женщины по аналогии со схемой «товар-деньги», то можно отметить похожую ситуацию. Всегда возможен более выгодный обмен, вследствие чего пропадает стабильность в отношениях, а брак начинает рассматриваться как контракт, который всегда может быть пересмотрен. Энгельс наметил основную идею – семья не есть онтологическая сущность или ценность человеческой жизни, а лишь социально узаконенный союз мужчины и женщины, форма которого зависит от общественной формации. В связи с этим возникает необходимость конструирования оптимальной формы семейного союза. Эта линия получает развитие в работах В. Райха. Союз мужчины и женщины представляет собой опосредующее звено между экономической структурой общества и его идеологической надстройкой, выступая в качестве фабрики авторитарных идеологий и консервативных структур. Семья представляет собой сплав трех слоев: экономического, социального и политического, и подходить к ней с этических позиций представляется Райху нецелесообразным.

Равные права женщин с мужчинами, по мнению А. Бебеля, – залог счастливых межполовых отношений. Печальное различие в образовании между полами часто ведет к разногласиям и спорам, вредит общему благу, а потому должно постепенно исчезнуть. Возможность нерепрессивной цивилизации связана не со сдерживанием, а с раскрепощением. Такой проект предлагает Г. Маркузе. Десексуализация тела имела своей целью направить либидозную энергию на социально полезную деятельность. Сокращение рабочего дня до минимума лишает эти ограничения почвы. Освобожденное либидо само прорвало бы институциональные границы, установленные для него принципом реальности. В новых условиях будет происходить самосублимация сексуальности – это способность сексуальности создавать высокоцивилизованные человеческие отношения, которые будут свободны от репрессивной организации. Маркузе демонстрирует традиционную для западноевропейской традиции веру в силу и

чистоту разума человека, согласно которой человек разумный не может быть человеком безнравственным.

В приведенных выше точках зрения семья выступает как результат развития общества. Как социальный институт она имеет свою историю и свои формы существования. В. Райх, и А. Бебель усматривали в семье способ организации социально-экономической и половой жизни индивида. С другой стороны, одна из основных идей, которую можно встретить и у Энгельса, и у Бебеля, связана с представлениями о том, что для изменения существующего строя общества, необходимо сменить форму существования семьи, изменить схему взаимоотношений мужчины и женщины. С этим связаны идеи Маркузе о построении нового нерепрессивного типа цивилизации: новая эпоха нуждается в новых моделях межполового общения. То, как осуществлялось практическое построение новых форм взаимоотношений между мужским и женским, раскрывается в *третьем параграфе «Пролетарская мораль»*.

Один из вариантов воплощения новой «половой» морали предлагает А.М.Коллонтай. В основу брака следует поместить «игру-любовь», а не буржуазный Эрос «с трагическим лицом». Цель нового общества – научить людей ясным и необременяющим переживаниям. Такое чувство способно научить людей давать лишь ту частицу своего «я», которая не будет обременять другого, избавив от скандалов и ревностей, тем самым вводится своеобразная «экономия» пола. Главными задачами советского общества в семейном вопросе становятся «отделение кухни от брака» и избавление женщин от «креста материнства» в целях минимизации непроизводительных затрат на семью.

Процессы, происходящие в молодой Советской республике, показали, что общество не готово к столь радикальным переменам: для «многокрылого Эроса» требовалась высокая духовная культура. Помимо этого, молодому государству необходимо было закрепить свои позиции, и лучший способ для этого – укрепление власти и, как следствие, усиление контроля власти над жизнью граждан, следовательно, возврат к регламентированному браку. В связи с этим появляются новые теории полового воспитания, основанные на практиках сдерживания и обуздания сексуального влечения, в частности теория А.Б.Залкинда. Корни такой модели можно увидеть в идеальном государстве

Платона, или у Пифагора, уподоблявшего организмы мальчиков и девочек растениям, которые должны окрепнуть, прежде чем начать «плодоносить».

Реабилитация семьи, которую Коллонтай пыталась заменить заботой коллектива, происходит в теории А.С. Макаренко. Школа и детский сад не способны без крепкой семьи воспитать здорового ребенка, а потому общество в праве требовать от родителей нравственной чистоты и красоты. Культура половой жизни рассматривалась как завершение развития личности. Для того чтобы половое воспитание было правильным, человека следует рассматривать в комплексе его половых и социальных проявлений: только воспитывая гражданина, можно воспитать и половое чувство.

Создание нового государства требовало создания новых отношений между мужчинами и женщинами. В развитии взглядов на половую мораль можно отметить внутреннее развитие от теории «многокрылого Эроса» к подчинению личного интереса общественному. И мужское, и женское в данном случае выступают как подручный материал, как кирпичики, из которых можно сложить новое идеальное общество. С этим и связана возросшая роль «полового» воспитания – правильное воспитание способствует перенаправлению половой энергии и ее сублимации в общественной жизни. Модель, табуализирующая сексуальность, которую предложили Макаренко и Залкинд, еще раз показывает, что социум, государство усматривают опасность в чрезмерной независимости половой сферы. Свобода, которой наделялись женщина и мужчина, была скорее анархической, свойственной любому периоду, связанному с резкой, революционной сменой режима, государственного устройства. В материнстве, прежде всего, акцентируется социальный аспект. Система детских садов, яслей, молочные кухни и т.п. – в некоторой степени нивелируют роль матери. Фигура отца, постепенно исключаемая европейской культурой из воспитательного процесса, становится еще более формальной. Общество готово взять на себя его функции кормильца и защитника.

В третьей главе «Сексуальность и гендер» рассматривается значение психоанализа и постмодернизма в формировании дискурса о поле.

Первый параграф «Психоанализ: пол как сексуальность» показывает то, как категория сексуальности становится центральной при различении мужского и

женского. Одним из первых, кто заявил о том, что пол не является чем-то однозначным и фиксированным, был З. Фрейд. В его понимании, пол является производным от анатомии, но эта взаимосвязь становится очевидной самому человеку лишь в процессе социальной практики, и она основывается на способности человека выбирать себе модель для подражания. Ребенок находится в постоянном выборе между двумя возможными идентификациями в лице отца и матери. Так, например, для мальчика мать перестает быть возможной моделью развития и становится примером развития неудавшегося, то есть кастрированного. Женственность – результат признания исходной кастрации, а мужественность основывается на страхе быть кастрированным. Анатомия, несомненно, предопределяет путь, по которому пойдет развитие ребенка, но фактическое соотнесение себя с тем, или иным полом – результат культурно-социальной практики. Сексуальность, сексуальное влечение, одна из составляющих этого процесса, что Фрейд и показывает на примере формирования комплекса Эдипа (Электры).

Последующее развитие психоанализа показывает постепенную эволюцию от сексуальности к категории желания, которая уже не столь физиологична. Так Адлер показывает целостность человеческой личности, в фундаменте которой покоится стремление к превосходству, что впоследствии накладывает отпечаток и на сексуальность человека. Невроз возникает в силу искусственно созданных и закрепленных в культуре статусных различий мужского и женского. Миф о женской неполноценности и основанное на нем превосходство мужчины нарушают гармонию полов. Возникающее в результате этого напряжение подвергает любовные отношения угрозе разрушения. Центральным понятием у Адлера для объяснения невротической ситуации выступает «мужской протест». В основе половой идентификации покоится не стремление быть женщиной или мужчиной, а желание быть женственным или мужественным. Мужчина в своем становлении проходит путь подавления женских составляющих своей психики. Смягчить невротическую составляющую культуры позволит половое воспитание, которое должно научить ребенка принимать половые роли: недооценка женского пола и восхваление мужского не способствуют правильному и гармоничному отношению к любви и браку.

Внутреннюю противоречивость половых ролей отмечает и Э.Фромм. Культура, заставляя человека быть мужественным, отнимает возможность быть нежным, из этого и проистекают проблемы во взаимоотношениях. Основной построения долговечных и счастливых отношений способна выступить любовь, которая является аспектом продуктивной ориентации. Любовь, как форма приобщенности, характеризуется переживанием единения с другим человеком, при условии сохранения чувства собственной целостности и независимости. Продуктивная любовь предполагает комплекс отношений: заботу, ответственность, уважение и др. Люди должны прислушиваться не только к голосу совести отцовского типа, основанному на наставлениях и запретах, но и к голосу материнского типа, призывающему нас к любви и прощению. Мужское и женское должны сосуществовать как системообразующие элементы, не находящиеся в отношениях подчинения. Фромм и Адлер критиковали маскулинность существующей культуры, что в некоторой степени можно объяснить обращением психоанализа к нерасчлененным, нерационализированным пластам психики, требующим создания иного, не лого-центрированного языка. Это в последующем нашло выражение в концепциях К.-Г. Юнга и Ж. Лакана, в феминистском психоанализе.

Для описания мужского и женского Юнг использует мифологический язык, обращая внимание на глубины коллективного бессознательного. В любом человеке заключены и мужское, и женское, которые вместе составляют целостность психики, личности. Психика зависит от тела, в то время как тело зависит от психики – эта фундаментальная антиномия определяет сущность человека. Женский элемент – анима – служит компенсацией мужчине, мужской – анимус – компенсацией женщине. Это позволяет человеку достичь гармонии и овладеть как чувственным, так и рациональным уровнем бытия. Анима наделяет сознание мужчины соотнесенностью и способностью вступать в отношения, анимус придает сознанию женщины способность к рефлексии, обдумыванию, самопознанию. В концепции Юнга акцент смещается на психическую составляющую либидо, а не на физическую, на символическое упорядочивание сексуальной энергии.

Анализируя природу желаний, Лакан говорит о том, что оно возникает не в отношении конкретного объекта реальности, а в отношении объекта потерянного,

символического. Объект желания приравнивается к потерянному объекту, к Другому, он символичен и потому никогда не достижим. Специфика феномена женского заключается в том, что женщина способна найти свое означаемое только в Другом. Ее имя – это всегда имя ее символического Отца, без которого она оказывается неназванной, отсутствующей и неспособной найти свою идентичность. О том же говорит и Э. Сиксу, рассматривая случай Доры как типичную для женщин позицию, в которой они лишены возможности прямого и непосредственного выражения своих мыслей и чувств. Истерика – единственный путь реализации женского желания, на котором женщина не нуждается в фигуре мужчины для собственного выражения.

Женская сексуальность является автономной и не фаллической, но это единственное, что может быть о ней сказано, по мнению Лакана. При попытке понять женскую сексуальность, мужчина наталкивается только на свои собственные фантазии и фантазматические представления. Решить эту проблему пытается Л. Иригарэй, говоря, что женское либидо аутоэротично и плюрално и реализуется через множество сексуальных кодов и органов.

Психоанализ постепенно формирует новое представление о структуре пола и соотношении мужского и женского, переводя разговор из области анатомии в сферу символического. Немаловажную роль в этом играет и изменение структур повседневной жизни, формирование постиндустриальной цивилизации, размытие границ, формирование толерантности и принятия символического другого.

В *параграфе втором «Гендерная проблема в эпоху постмодерна»* показывается дальнейшая концептуализация желания в постмодернистской философии.

Современное общество, по мнению С. Жижека, можно представить как постмодернистский «разочарованный», свободный от моральных запретов мир, в котором «ничем не сдерживаемая сексуальность редуцируется до апатичного участия в коллективных оргиях». Происходит насыщение и, по мнению Бодрийяра, секс, оргазм, становятся всего лишь производством желания, аппаратом, работающим по строго заданному алгоритму. Исчезновение половых различий способно повлечь за собой нивелирование различий между человеком и машиной,

исчезновение того, что традиционно называют уникальной человеческой духовной трансцендентностью (С. Жижек, М. Уэльбек).

По мнению К. Пальи, цивилизация, в рамках которой осуществляются «равные права», была создана «аполлоническими существами» (мужчинами) для того, чтобы предохранить человечество от жестокого опьянения дионисизмом. Поэтому в аполлонических играх женское заведомо обречено на поражение: ведь в результате побеждает мужской принцип. Будучи слишком увлеченными борьбой за равные гражданские и экономические права, женщины отказываются от своего дионисийного начала.

Ж. Бодрийяр говорит о том, что сексуальность, с которой мы сталкиваемся в современной культуре, слишком реалистична, ее гипертрофированность сводит на нет все усилия оболыщения. Соблазн может стать той силой, которая переведет нас из реальности в символическую сферу. Женское находится вне рамок структуры, созданной психоанализом, и, будучи понятым вне оппозиции мужскому, является альтернативой сексу, власти, логосу. Оно создает иную вселенную: не такую, которая истолковывается в терминах вытеснения или бессознательного, а вселенную, где правит игра, вызов и стратегия видимости. В этой вселенной женское не противостоит мужскому, а соблазняет его. В стихии оболыщения у женщины нет ни тела в собственном смысле, ни собственного желания. За счет этого, женское способно противостоять миру реальности с его истиной и порядками власти. Соблазнение располагается вне классической оппозиции мужского и женского, так как представляет собой не что иное, как процессуальное размывание ее границ.

В мире с размывающимися границами методология бинарных оппозиций начинает давать сбои. В связи с этим Ж. Липовецкий отмечает формирование в культуре нового типа женщины: «третья женщина, или женщина индетерминированная». Если женственность первой, или «недооцененной женщины», оттеняла в сознании мужчины его достоинства, а женственность второй – «женщины, вызывающей восторги» – была созданным им самим идеалом, то женственность третьей создается каждый раз заново самой женщиной. Это позволяет вести речь не о тотальной утрате пола, а о его постоянном конструировании. Такой взгляд соотносится с появившимися в середине XX века

гендерными исследованиями, в рамках которых, пол понимается как манифестация, социо-культурная идентификация, которая не только осваивает существующие нормы, но и создает новые.

Распад традиционного института семьи – закономерная реакция на изменение общественных условий. Семья не исчезает, а подвергается трансформации, основным принципом которой становится многообразие: гомосексуальные, серийные браки, семейные группы, расширенные семьи (Э. Тоффлер, С. Голод). Тем не менее, общество, в котором ценятся личные достижения человека, его способность достигнуть и удержаться на волне успеха, общество, в котором даже красота перестает быть судьбой и становится личной ответственностью человека – способно вызвать дальнейшую невротизацию человека (М. Уэльбек, Ж. Липовецкий). Раскрепощение женщины, феминизация мужчин и распад семьи могут оказаться губительными для цивилизации: идеалом развития человечества может стать бактерия, не имеющая пола, а потому самодостаточная и вечная.

Среди тенденций, возвращающих философский дискурс к традиционным ценностям, можно назвать возрастающий интерес к темам материнства, интимного пространства дома и др. Философскому, культурологическому анализу подвергаются феномен отцовства, пренатальная связь матери и ребенка, что напрямую отсылает нас к архаическим практикам.

В **Заключении** сформулированы основные выводы по результатам проведенного диссертационного исследования и намечены дальнейшие перспективы разработки диссертационной проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Московчук Л. С. Женщина в пространстве страсти // Дни Петербургской философии 2003: Материалы конференции «Философская антропология: традиции, проблемы, перспективы». – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С.78-83. (0,25 п.л.)
2. Московчук Л. С. Высшее образование и женский вопрос // Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Материалы международного симпозиума. Вып. 2. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 188-192. (0,2 п.л.)

3. Московчук Л. С. Интимное пространство дома // Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005». Т. 5. – М.: издательство МГУ, 2005. С.127-129. (0,15 п.л.)
4. Московчук Л. С. Мужское и женское: от потребностей к ценностям // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 т. Т. 4. – М.: Современные тетради, 2005. С. 94-95. (0,1 п.л.)
5. Московчук Л. С. От гендера к одиночеству // Человек постсоветского пространства: Сб. материалов конференции. Вып.3. / Под ред. В. В. Парцвания. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С.360-363 (0,16 п.л.)
6. Московчук Л. С. Половая метафизика христианства: pro et contra // Парадигма. Очерки философии и теории культуры. Вып.1. / Под ред. проф. М. С. Уварова. – СПб.: Барс, 2005. С.40-47. (0,4 п.л.)
7. Московчук Л. С. К вопросу о половом воспитании в современной православной культуре // Мужское и женское в культуре: Материалы международной научной конференции Санкт-Петербург, 26-27 сентября 2005 г. / Сост. Н. Х. Орлова. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2005. С.105-108. (0,2 п.л.)

Подписано в печать 01.06.2006 г. Формат бумаги 60*90 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Тираж 100 экз. Отпечатано в ПК «Объединение Вента»
с оригинала макета заказчика. 197198, Санкт-Петербург, Большой пр. П. С., д.29а.

